Набоков Вл. Вл. 24/III 90

Сов. культура – 1990 – 24 марта. – с. 10

Ровно семьдесят лет назад уезжала из России большая семья. Грузовой пароход увозил в эмиграцию мужчину и женщину средних лет, а также пятерых их детей. Старшему мальчику исполнилось двадцать.

...И УВИЖУ РУССКУЮ ОСЕНЬ

ЭТО молодой человек, гордившийся своей принадлежностью к одному из самых именитых и богатых дворянских родов России, эстет, англоман и, по мнению сверстников, «чудовищный сноб», очень скоро заставит говорить о себе литературные эмигрантские круги, заслужит сдержанную похвалу «самого» Бунина, в зрелом возрасте напишет шумный, скандальный и, кажется, до сих пор не разгаданный роман «Лолита», со снисхождением будет принимать репортеров, узнает почет и мирскую славу, с легкостью будет менять города и страны, но до конца своих дней так и не обретет дома.

Он поселится в шикарном швейцарском отеле, где будут с готовностью выполнять любые прихоти знаменитого постояльца. И ни один интервьюер так и не получит вразумительного ответа на вопрос: «Почему при своих умопомрачительных доходах господин Набоков не покинет отель и не купит в частное владение дом?»

Эту загадку Владимир Владимирович Набоков унесет с собой... А ключи к сокровеннейшей из своих тайн он спрячет в своих книгах: стихах, «русском» цикле романов, повести-воспоминании «Другие берега». Для внимательного читателя «Машеньки», «Защиты Лужина», «Подвига», «Дара» тайна эта прозрачна и очевидна: имение писателя под Петербургом («наша Выра», как он привык называть его с детства), и дом в этом имении — только он один и оставался для Набокова тем единственным Домом, вблизи и внутри которого он мог вообразить свое существование. Все другое на земле могло быть лишь временным пристанищем.

Описывая свою жизнь в России, Набоков внутренне преображался, его авторский голос становился, как никогда, доверительным, а перо легким, и эти страницы его романов невозможно читать без волнения: «Как бы то ни было, но я убежден ныне, что тогда наша жизнь была действительно проникнута каким-то волшебством, неизвестным в других семьях. От бесед с отцом, от мечтаний в его отсутствие, от соседства тысяч книг, полных рисунков животных, от карт, от всей этой геральдики природы и кабалистики латинских имен жизнь обретала такую колдовскую легкость, что казалось — вот сейчас тронусь в путь. Оттуда я и теперь занимаю крылья».

Долгие годы он не получал вестей из России, не знал, что случилось с имением — уцелело? погибло? — и в эти минуты его посещало горькое прозрение: «Дом сожжен и вырублены рощи, где моя туманилась весна». А порой он лелеял неисполнимую, обманчивую мечту о том времени, когда Россия вдруг «стряхнет дурной сон, полосатый шлагбаум поднимется, и все вернутся, займут свои прежние места — и Боже мой, как подросли деревья, как уменьшился дом, какая грусть и счастье, как пахнет земля...»

Это имение на реке Оредеж и сама река с ее «ленивым изгибом», и родной, как «собственное кровообращение», путь из «нашей Выры» в село Рождествено, и издавна знакомая «береза-лира» с двойным стволом, рай детства, первая юношеская влюбленность — все слилось для него в понятие — Россия, Родина, Дом.

Возвратиться в Россию было так же невозможно, как вернуть счастье детства, ибо Набоков знал, сколь пророческими могут оказаться для него его же собственные строки: «Бывают ночи: только лягу, в Россию поплывет кровать; и вот ведут меня к оврагу, ведут к оврагу убивать». Но память упорно вызывала новые видения, и писатель, сам себе противореча, договаривал: «Но сердце, как бы ты хотело, чтоб это вправду было так: Россия, звезды, ночь расстрела и весь в черемухе овраг».

С репортерами он держался заносчиво, был сух и капризен, газеты спешили обнародовать его холодные высказывания о том, что «национальная принадлежность стоящего писателя — дело второстепенное... Искусство писателя — вот его подлинный паспорт». Однажды он назвал себя «американским писателем, который когда-то был русским». Но почему-то сейчас вспоминается его совсем другое признание: «Быть может, когда-нибудь на заграничных подошвах и давно сбитых каблуках, чувствуя себя привидением... я еще выйду с той станции... и пешком пройду стежкой вдоль шоссе с десяток верст до Лешина. Один за другим телеграфные столбы будут гудеть при моем приближении. Изменения в облике окрестности, которые я почему-то забыл, будут встречать меня попеременно, даже смешиваясь иногда. Мне кажется, что при ходьбе я буду издавать нечто вроде стона в тон столбам. Когда дойду до тех мест, где я вырос, и увижу то-то и то-то, или же вследствие пожара, перестройки, вырубки, нерадивости природы не увижу ни того, ни этого (но все-таки кое-что бесконечно и непоколебимо верное мне разгляжу — хотя бы потому, что глаза у меня все-таки сделаны из того же, что и тамошняя сырость), то, после всех волнений, я испытаю какую-то удовлетворенность страдания...»

В эмигрантской литературе русского зарубежья нет признания более искреннего по чувству и более выразительного по письму, где горечь чужбины и жажда обретения покинутого Отечества выразились бы столь обостренно-трагически.

Так что же кинул в краю родном этот странный писатель с русской фамилией, с чем навсегда простился, когда смотрел на удаляющийся берег своей страны с палубы грузового парохода? Что надеялся обрести вновь, из романа в роман заставляя своего лирического героя — свое второе «Я» — проходить несметное число раз одним и тем же маршрутом к Дому? Той дорогой, которую он знал «на ощупь и на глаз, как знаешь живое тело». Да и где она, эта заповедная земля, этот «старый, в елочном стиле деревянный дом, выкрашенный в бледно-зеленый цвет, большой, крепкий и необыкновенно выразительный, с балконами на уровне липовых веток и верандами, украшенными драгоценными стеклами»: эта река, «искрящаяся промеж парчовой тины», мост, «вдруг разговорившийся под копытами» лошадей; парк, «там, омраченный хвоей елей, тут озаренный листвой берез, громадный, густой и многодорожный»... Что с ними стало?

ЗА ГОРОДОМ любое время года чувствуется острее. Кажется, не было в ту давнюю осень дня унылее, чем тот, когда я впервые попала в Рождествено. Оказалась в этих местах случайно, ничего о них толком не зная, по каким-то своим командировочным делам. Собралась, наконец, в город — а автобуса нет, и раньше чем через полтора часа не будет... Шоссе. Излучина Оредежи. Бревенчатые домики. Красный кирпичной кладки старинная церковь. Кругом ни души. Пусто, серо, голо.

И вдруг высоко над рекой — дом. Двухэтажный, с бельведером, с белыми колоннами, поддерживающими портик. Деревянная лестница круто поднимается в гору. Указатель: «Краеведческий музей». Рядом с домом — парк. Подгнившее, когда-то парадное крыльцо. Гулкие, убогие сырые комнаты. Стенды со случайными экспонатами, чьи-то дипломы и почетные грамоты под стеклом... Откуда-то из-за прикрытых дверей тяжелые шаги и слабый голос: «Кто там?» — смотрительница музея.

— Скажите, чья это усадьба?

— Жил здесь один, не помню, как звали. За рекой еще дом, говорят, имел. Из Батово, рылеевского бывшего поместья, к нему приезжали. Из всех усадеб старых только эта одна и уцелела в округе. Вздохнула: «Война...» Помолчала и вдруг сама предложила: «Тут одна вещь с тех самых времен сохранилась. Посмотрите? Я сейчас...» Вернулась с толстым альбомом в руках. Отомкнула медную пряжку, раскрыла на первой странице. Покачала головой: как жили-то, и ушла. А дорогой семейный альбом с фотографиями остался в моих руках — единственная реликвия, дошедшая до наших дней и сохранившая память о доме, о людях, его некогда населявших, и той жизни, которой нет возврата. Чужая, известная по рассказам Бунина и Чехова, жизнь смотрела с этих страниц, да и сами снимки воспринимались как иллюстрации к известным рассказам. Тогда имя писателя Владимира Набокова не было широко известно на его Родине, а потому мало кому могла прийти в голову идея искать фотографии его родителей в старинном альбоме, хранящемся в краеведческом музее. И уж тем более проводить аналогии между подробными описаниями живописных ландшафтов в его романах — и реальными угодьями отсталого совхоза «Ленинец» Гатчинского района Ленинградской области, который был и остается здесь основным хозяином.

В этом месте повествования мне никак не обойтись без рассказа местного жителя и прекрасного знатока здешних мест, сельского архитектора Александра Семочкина, у которого, по его собственным словам, «пять поколений предков жили здесь, состарились, умерли и ныне лежат на Рождественском кладбище». Вот он, его рассказ:

— Что такое для меня и каждого русского человека Верхняя Оредеж? Святые места. Есть здесь Руновская мыза — место, где чуть было не родился Пушкин (его мать Надежда Осиповна отсюда в Москву на сносях уехала и там родила нашего гения). А первым владельцем мызы был Абрам Петрович Ганнибал... Сейчас этот дом стоит бесхозный, передаваемый одним нищим владельцем-предприятием другому. Неподалеку деревня Кобрино, откуда родом была Арина Родионовна; дом ее, к счастью, цел. В Орлино бывал Державин; в Заречье стояла усадьба, где жил и умер в своем поместье архитектор Доменико Трезини; в Батово жил Рылеев — на Рождественском кладбище похоронена его мать. Тут писали свои картины Петров-Водкин, Крамской; Шишкин прожил здесь девятнадцать лет — все его зрелые вещи тут написаны. На кладбище в Рождествено похоронена его вторая жена Ольга Лагода, художница, одна из первых женщин в России, принятых в Академию художеств. В Извваре жил Рерих, художник и философ, перебросивший из России духовный мост на Восток. Набоков, чье детство прошло здесь же, на Оредежи, соединил Россию с Западом. Вот какие это удивительные места — земля, притягивавшая стольких гениев, а что с нею стало и как она разорена — в том вы сами удостовериться можете, глаза есть...

ПРЕЖДЕ чем перейти к самой грустной части моего рассказа, скажу вот о чем. Набоковым принадлежало в общей сложности три имения в округе. Первое — «наша Выра» — было дано в приданое Елене Ивановне Рукавишниковой, матери Владимира Набокова. В этом доме появился на свет он, ее первенец, будущий знаменитый писатель. Набоковы владели домом до революции; в двадцатых годах здесь организовался зооветеринарный техникум. В конце тридцатых поселились дети испанских республиканцев, а в 1942 году перед отправкой на южный фронт стоял штаб фельдмаршала Паулюса. В 1944 году при отступлении немецких войск усадебный дом погиб от пожара. До наших дней дошли лишь грустные воспоминания об усадебном доме и некогда тенистом парке, да чудом сохранившаяся насыпная горка «Парнас» над крутым берегом Оредежи. Некогда принадлежавший Рылеевым дом в Батове дед писателя по отцу купил в 1857 году. Набоковы владели им до 1917 года. При Советской власти здесь учредили народный дом. А в 1925 году дом с флигелями погиб от ночного пожара, сгорев дотла. Сохранился, правда, усадебный парк, но он запущен, с трех сторон окружен жильем, промышленной зоной местной птицефабрики и ее же очистными сооружениями... И вот, наконец, Рождествено. «Дом с колоннами», как издавна называют его в округе, и правда, единственная память у нас о Набокове. Однако начать придется издалека: дому как-никак полтораста лет. Когда-то Павел I пожаловал село Рождествено некоему Ефремову. Он-то и выстроил в начале прошлого века усадебный дом с колоннами и бельведером в самом красивом месте — на высоком берегу, в излучине Оредежи. Разбил великолепный парк, строил театр под открытым небом. Владел усадьбой сорок лет. После его смерти она много раз меняла хозяев, пока на исходе прошлого века ее не купил отец Е. И. Рукавишниковой. Родители ее умерли рано, и Набоков мальчиком застал владельцем усадьбы брата матери, Василия Ивановича Рукавишникова — дипломата, изредка наезжавшего в Россию. Предчувствуя скорую смерть, тот любимого племянника объявил хозяином усадьбы по достижении совершеннолетнего возраста. Но вступить во владение будущий писатель так и не успел. Сейчас в этом доме краеведческий музей, в котором до недавнего времени не было ни одного подлинного экспоната. Сейчас есть — тот самый старинный альбом фотографий. Его однажды принес не то сын, не то внук повара Набоковых — пожилой уже человек из местных. Нашел на чердаке, а выбросить — рука не поднялась.

Ну а где, спросит читатель, вся та роскошь, которой славился в округе этот дом: мраморные полы, камины, картины, скульптуры, дорогая мебель, огромная, тщательно подобранная библиотека... Местные старожилы частенько вспоминают о том, как на втором году революции из Рукавишниковского дома вывозили подвод двадцать всякого добра. А куда — одному богу известно.

О том, каким был этот дом, каким застал его юный Набоков, пусть расскажет вам этот документ, найденный мною в архиве Гатчинского дворца-музея. С изумлением и болью читала я эти листки.

«Список предметов художественной ценности в бывшем имении В. И. Рукавишникова Рождествено Царскосельского уезда и постановление Гатчинского уездного исполкома о передаче их в Гатчинский дворец-музей. Январь, 1923»: 1. Список картин масляными красками в золоченых рамах, числом 16; 2. Миниатюры, числом 76; 3. Акварели, числом 7; 4. Фарфор, фаянс, хрусталь; 5. Бронза; 6. Гравюры и литографии, числом 24; 7. Минералы, 8; Книги на иностранных языках, числом 899; 9. Фотографии (альбомы и портреты в деревянных рамах); 10. Мебель...

Тут же приведен список художественных произведений, переведенных в Гатчинский дворец из имения «Наша Выра».

Где эти вещи? Что с ними стало? Поверьте, читатель, на этот вопрос не может ответить даже квалифицированнейший искусствовед, главный хранитель Гатчинского дворца-музея Аделаида Сергеевна Елкина. Всю свою жизнь она посвятила поиску пропавших во время войны сокровищ дворца, в числе которых были и ценности из рождественских усадеб Набоковых.

Но вот что в этой истории беспокоит меня больше всего. «Когда-нибудь, оторвавшись от писания, я посмотрю в окно и увижу русскую осень»,— ностальгически вздохнул однажды лирический герой Набокова. Владимир Набоков умер, так и не увидев ее вновь. Боюсь, что недалеко то время, когда родной и знакомый писателю пейзаж изменится до неузнаваемости. Вырубается старый парк вокруг «дома с колоннами», недавно в нем построен бетонный склад строительных материалов. Сам дом обветшал. Колонны, когда-то обтянутые загрунтованным холстом, давно оголены, некоторые качаются, заваливаются, от парапета между ними остались только рассохшиеся темные балки перил. Лишенные паркета плахи полов стерлись, крыша подтекает, в окнах не хватает стекол, почти везде сорваны ставни. Разграблен фамильный склеп Рукавишниковых; долгое время никто не покушался на икону, висевшую в нем,— теперь и ее унесли. С начала века украшением местности были две «розовые дачи» — деревянные строения с уникальной ажурной резьбой. Теперь и они обречены на снос. Директор совхоза «Ленинец» недрогнувшей рукой продал их за бесценок частным лицам. Горькому этому списку не видно конца...

Дирекция краеведческого музея перед этим варварством бессильна. Валерий и Евгений Мельниковы, чьими усилиями создана небольшая, но очень емкая экспозиция в бывшем доме Рукавишникова, без устали обивают пороги местного отделения Фонда культуры, Инспекции охраны памятников истории и культуры управления Леноблисполкома, другие высокие инстанции. Да без толку. Им и нам остается только мечтать о том времени, когда бывший усадебный дом станет настоящим «заповедником сбереженного». А его посетители новыми глазами будут смотреть на творчество всемирно известного писателя, который с грустью признался однажды, что «слишком долго, слишком праздно, слишком расточительно об этом мечтал».

Однажды Владимир Набоков обмолвился: «Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить без России, потому что я, наверное, знаю, что вернусь... буду жить там в своих книгах». Это случилось, он возвращается. Нам бы только подостойней его встретить.

Т. ГАГЕН.